

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.В. Павловский

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ

Как герой пьесы Мольера господин Журден не мог себе представить, что в жизни всегда пользуется прозой, так и мы, сотрудники кафедры региональных исследований (а ранее кафедры межкультурной коммуникации), только сейчас начинаем понимать, что давно занимаемся исключительно регионоведением. Очевидно, что на факультете иностранных языков мы пришли к понятию “регион” через язык. Но было еще одно обстоятельство, которое помогло нам обратить внимание на регион изучаемого языка как на самостоятельный фактор, не являющийся суммой слагаемых изучаемых дисциплин по данному региону. Этот фактор есть некая магия земли, которая превращает все проявления культуры, экономики, политики и географии определенной территории в единое целое — в изучаемый регион. Это своеобразие региона воздействует на все составляющие жизнедеятельности его населения так, что и политика у него становится особенной, и экономика специфичной, и культура, несмотря на то что формы ее общие интернациональные, тоже становится особой и неповторимой. Поэтому и изучать регион надо как-то по-особому, по-региональному. Так, скажем, как изучали в ИСАА в 30—50-е гг., пока советское руководство не распорядилось перенаправить изучение истории стран Азии и Африки в разработанное марксистское русло “базис — надстройка”, т.е. экономика отдельно, история классовой борьбы отдельно, ну и немного культуры: Восток — дело тонкое.

Сам по себе язык, вероятно, имеет большое влияние на лицо этноса или даже национально-государственного образования. Но хорошо известны случаи, когда разные государственно-национальные образования имеют практически одинаковый язык, но разный тип культуры, характер мировосприятия, специфику межличностных отношений. Сильно различаются не только фонетика и лексика американского варианта английского языка и, например, австралийского, но и соответственно фонетическому и лексическому своеобразию также и характер мировосприятия, шкалы общественных ценностей, восприятия соотношения “свое-чужое” и мера самооценки представителей этих культур. И здесь нам никак не поможет объяснить эти различия ряд чисто материальных причинно-следственных ассоциаций: в Северную Америку ехали изгои европейского общества, но и в Австралию на первых этапах

ее существования попадали далеко не лучшие сыны европейских обществ. Может быть, даже худшие. Туда ссылали на вечную каторгу безнадежных особо опасных преступников. Это обстоятельство не может объяснить более мягкую фонетику австралийцев, их большее внимание к чужим культурам, большее самоуважение без заносчивости и другие подобные качества их характера.

Есть различия между британским английским и североамериканским английским, канадским и североамериканским и т.д. И все эти различия одинаково сопровождаются параллельными особенностями характеров этих народов. Возникает ощущение, что, перемещаясь в иной регион обитания, язык народа и его характер приобретают новые, не присущие им до этого момента специфические черты. Создается впечатление, что сам регион каким-то непостижимым образом оказывает влияние на характер языка и культуры носителя этого языка. Может быть, описав своеобразие новых, ранее не присущих черт характера перемещенного этноса, мы лучше узнаем механизм воздействия региона на культуру и язык? И тут возникает *первый* главный вопрос: какими же терминами описать это своеобразие?

Всякое исследование предмета есть прежде всего изучение его особенностей, а последнее легче сделать, сравнивая его с другими предметами. В этом отношении решающее значение приобретают параметры, по которым мы сравниваем его с другими, и особенности метода сравнительного анализа региона. Практика наших исследований показывает, что, пользуясь, все еще распространенными в научной литературе понятиями “мужское и женское”, “горячее и холодное”, “сырое и вареное”, “старое и молодое”, “коллективистское и индивидуалистское”, “цивилизованное и нецивилизованное”, мы не достигаем желаемого результата наших исследований. Специфика характеров наших народов остается пока тайной за семью печатями. Не то что культуры и народы, а просто люди — мужчины и женщины — иногда так причудливо реализуют в жизни мужские и женские черты своих характеров, что трудно порой определить, в чем их мужественность или женственность. Стоит ли по отношению к народам употреблять эти термины? Они даже на более простом уровне не дают нам возможности лучше понять исследуемый предмет.

То же самое касается так называемых “коллективных” и “индивидуальных” особенностей характеров наших народов. Если следовать общепризнанной литературной тенденции, то наше отечественное общество является чуть ли не наиболее коллективистским, а североамериканское — чуть ли не самым индивидуалистским. Такой упрощенный подход, очевидно, противоречит видимому порядку вещей. В нашем обществе, несмотря на запреты всех советских правительств, владельцы личных участков земли

старались возвести забор повыше и сделать его наименее прозрачным. В ход шли и кусты, и иные посадки вдоль якобы прозрачных заборов. Наше чувство собственности требовало более полной автономии от коллектива, в котором мы жили. В североамериканском же обществе правительство без особых затруднений заставляло собственников своих участков либо сделать свои заборы действительно прозрачными, либо сделать их чисто формальными, 5—10 см в высоту. Я был свидетелем случая, когда американский собственник в штате Колорадо злился и переживал, что его формальный забор легко преодолевается соседями. Из этого можно сделать вывод, что мириться с таким положением вещей его заставляет приоритет коллективных ценностей над ценностями индивидуальными.

Также противоречат общепринятой терминологии в этом отношении и иные факты нашей истории. Даже в самые тяжелые 30-е гг. советских репрессий мы всегда имели свое мнение. Общественное мнение советского общества только шло в одном направлении с советской доктриной, но никогда не было в полном подчинении у советского правительства. Мы и представить не могли ту степень подчиненности общественного мнения зигзагам правительства, какой достигла она в североамериканских Соединенных Штатах. Последний пример войны в Ираке ясно показывает, насколько правительство США считается с мнением своего общества. Вспоминается разговор с американским обывателем: “Вы, американцы, доверчивые, и если вам сказать, что Билл Клинтон — хороший человек раз десять, то на одиннадцатый вы начинаете в это верить”. — “Да, у нас так, а у вас, в России не так, что ли?” — “У нас не так, нам, чтобы мы заподозрили, что Борис Ельцин, может быть, желает народу благо, надо услышать раз десять с экранов телевизора, что он плохой человек”. Это касается и попыток глобального разделения народов на народы, склонные к тираническому типу правления, и народы более демократические. Нет также и нерелигиозных народов. Дело состоит лишь в форме проявления их религиозности. Здесь возникает *вторая* по важности задача: употреблять термины такого типа всегда следует более конкретно: в чем потакание тирании, а в чем более индивидуальной свободы. Так, в Риме, обществе западноевропейского типа, при звуках полицейской сирены даже самые дорогие машины вжимаются в стены узких улиц, пропуская стражей порядка. В Китае же, обществе, как принято считать, склонном к более сильному произволу властей, никто, по свидетельству китайцев, и не подумает уступить место на полосе движения даже правительственному кортежу с красными и синими проблесковыми маячками. И от этой степени конкретности будет зависеть правомерность употребления наших привычных терминов. Может быть, они еще и не до конца себя дискредитировали.

Следует также отметить то обстоятельство, что характер этноса не единственный и не главный параметр этнической культуры. Этот параметр, скорее, можно отнести к специфике самооценки этносом своей судьбы и своего места в историческом процессе, судьбе мира. От восприятия своего характера, возможно, зависит целый спектр таких важных особенностей культуры, как эгоистически-эгоцентрическое освещение рассматриваемых и оцениваемых явлений, причинно-функциональные параметры явления (политических институтов, религиозных институтов, форм стратификации общества, форм отношений между слоями и классами и т.д.), методологически-познавательные параметры изучения других культур у представителей данного региона (анализ-синтез, сравнение-противопоставление, оценка-осуждение и т.д.). Но все-таки эти явления вторичного свойства. Первичные особенности не зависят от специфики самооценки этноса. Они определяют вид этой самооценки. Тут мы сталкиваемся с *третьей* по важности задачей: изучая эти первичные особенности характера этноса, надо сосредоточиться на региональной повторяемости характеров народов, проходящих по изучаемой территории. Или еще шире — изучить своеобразие региона в историческом разрезе, сквозь призму посещавших его народов. Или изучить судьбу приобретенных черт характеров этносов, переселившихся из изучаемого в иной регион.

Нам известно, что существует несколько версий происхождения народа этрусков. Точка зрения, что они являются народом автохтонным, считалась несерьезной даже античными авторами и рассматривалась как анекдотичная, приводилась, скорее, ради принципа “пусть будет выслушана и другая сторона...”. Но какая бы точка зрения ни была принята, даже если будут рассматриваться самые популярные от Ромула до наших дней малоазийская, северно-причерноморская или карпатско-фракийская прародины, они не дадут нам ответа на вопрос: где истоки необычайного по своему уровню пластического искусства этрусков? Особенно в надгробных памятниках этруски достигли такого уровня реализма и индивидуальных особенностей изображаемой личности, что ни греческое искусство в этой области, ни регионально последовавшее ему римское не достигло в этих показателях этруских вершин. Ни в каких областях возможного исхода этрусков нет и намека на подобный вариант развития художественного осмысления мира. Получается, что этруски развили заложенные в их культуре собственные задатки и механизм художественного видения мира лишь после того, как переселились на итальянскую территорию. И только в результате совмещения собственных талантов и магических особенностей региона этруски обнаружили поразительные возможности своего искусства. Точка зрения эта также вполне правомерна хотя бы и потому, что все древние народы, населявшие

Италийский полуостров, а их насчитывали древние историки больше двух десятков, обнаружили каждый на территории своего Италийского региона в процессе исторического развития достаточно высокие художественные дарования. Именно Италия сделала древнеримское искусство эталоном античного художественного вкуса. Именно Италия сделалась родиной Возрождения как нового направления не столько в философии, сколько в искусстве в Средние века. До сегодняшних дней ничем не примечательные рядовые итальянские художники и архитекторы легко и непринужденно поддерживают дома, дворцы, виллы и садово-парковые комплексы в состоянии простого и высокохудожественного уровня архитектурного и паркового искусства. Именно с территории Италии в Европу проникли такие виды художественного творчества, как садово-парковое искусство, опера, комедия масок. Именно Италия явилась родиной многочисленных архитектурных стилей средневековой Европы. Итальянский язык до сих пор используется музыкантами всего мира, что свидетельствует о той высокой роли, которую сыграла Италия в становлении современного музыкального искусства. Да и смог бы Моцарт стать тем высоким и чистым гением музыки без знакомства с Сальери, т.е. образно говоря, без знакомства с современной ему итальянской музыкальной культурой? Даже простые, казалось бы, слова “роман” и “романтизм” происходят от названия главного итальянского города “Roma”. Одним словом, Италия на протяжении веков оказывается источником художественного возмущения Европы. И это несмотря ни на режимы, в ней процветавшие, ни на народы, ее населявшие. После крушения Западной Римской империи на территории Апеннинского полуострова существовали самые разные по своему этническому составу и политическому устройству государственные объединения: вестготы и остготы, Равенский экзархат и папское государство, лангобарды и наместники франкского короля, сарацинские и норманнские государственные и полугосударственные образования, республики Венеция, Генуя, Пиза и Флоренция, монархические анклавы Фридриха II и других германских императоров, деспотии Падуи, Вероны и Милана, наконец, монархия Виктора Эммануила II и фашизм дуче. Все эти политические, этнические и религиозные образования были одинаково Италией, страной театра и живописи, парков и дворцов, манер и мод, течений и стилей, живописи и архитектуры.

Примерно подобная картина наблюдается в истории древних балканских народов. Мы хорошо знаем ту территорию, с которой Балканский полуостров был заселен ахейцами и в гораздо более поздние времена дорийцами. Это территория Северного Причерноморья, Дунайско-Днепровский и Северо-Кавказский регионы. Мы напрасно будем искать на этих территориях зародыш тех шедевров циклопических микенских сооружений, которые сменили

на Балканах древние слои, отмеченные влиянием древнейшего искусства Крита. Кроме мегалитов и дольменов Северного Кавказа и Северного Причерноморья, которые выполнены в совершенно другом стиле и для других целей, мы не найдем ничего подобного. И уж тем более напрасно будем искать в великолепных просторах прародины греков истоки коринфского, ионического и даже дорического стиля. Их там нет. Очевидно, что и древние греки, принеся с собой на Балканы свои таланты, развили их в несколько неожиданном направлении на своем новом месте обитания. Они также испытали воздействие магии земли, но на этот раз балканской. И это воздействие продолжалось даже в творчестве тех греков, которые мысленно не порывали со своей новой балканской родиной, находясь даже совершенно не на греческой территории. До сих пор в Крыму археологам приходится наблюдать, как на территории одного и того же поселения чередуются греческие кладки оборонительных сооружений и скифские, например в раскопах под Евпаторией. Греческие находятся под архитектурным влиянием балканского стиля, они монолитны, правильной формы, зазоры между камнями, плитами и иными элементами сооружений минимальны. Скифские представляют собой совершенно иной вид. Кладка сложена из элементов гораздо хуже обработанных, зазоры между ними произвольны и т.д. Скифы, даже видя образцы греческого архитектурного искусства, не находились под его влиянием, так как место магии земли в их сердце было занято просторами Евразии. Они могли представить невиданный грекам тип военнo-демократической организации и иного типа военное искусство, более жертвенную любовь к своей родине, но не балканский тип архитектурно-строительного мировоззрения. По всей вероятности, важно не только время нахождения на данной территории, но и внутреннее добровольное согласие, восприятие данной территории за *свою*. Важно отдать ей место в своей душе. Но и время также должно пройти. В США мне довелось часто общаться с поляком, который уехал в США за 15 лет до нашей встречи с ним. Он рассказывал, что, живя в Польше, часто и много пил с друзьями. И только лет через пять после переезда в США стал замечать, что тяга в спиртному стала ослабевать. Конечно, можно сказать, что у него не стало друзей, с кем бы он мог весело проводить время, но вряд ли можно исключить ту роль, которую сыграла перемена обстановки, смена региона обитания.

Такие же различия можно провести и в отношении правовых и государственных структур обществ этих различных регионов. Совершенно очевидно, что, переселяясь в иной регион, народы развивают в своей культуре каждый раз специфические, соответствующие данной территории направления своей собственной. Иные же свойства своей культуры, присущие прежнему региону обитания, теряли или отодвигали на второй план.

Можно привести также многочисленные примеры изменения не только художественных дарований народов, переселяющихся с одной территории на другую, но и политических предпочтений, а также типов организации общества. Так, например, норманны, поразившие своей невиданной военной мощью сицилийских королей в XI—XII вв., обладали достаточно весомым военным искусством, чтобы в количестве 750 воинов выступать против ополчения в 15 тыс. человек и побеждать их, в последующие века, испытав воздействие магии земли Южной Италии, растеряли и свои военные навыки. Они предались неге южноиталийской земли, а потеряв внутреннюю связь с суровым и прекрасным Скандинавским регионом, потеряли и склонность к сохранению своего боевого искусства, невиданного в Южной Италии типа военной организации.

Переселение на другую территорию меняет даже физический облик народов. Нет никакого секрета, что угро-финны в Европе — народ пришлый. Практически нет никаких разночтений относительно их прародины — это пространство между зауральскими и забайкальскими степями. Но нет никаких свидетельств, что на своей прародине угро-финны были светловолосы и голубоглазы. Современные потомки древних угров, обитавших в III тыс. до н.э. на Оби и Иртыше, — ханты и манси скорее всего дают реальное представление о том, как выглядели древние угры в момент своего отделения от арийской ветви народов. Блондинами и голубоглазыми стали только те угро-финны, которые поселились поблизости от Балтийского моря и русского Севера. Там они и получили у русских название “чудь синеокая”. Те же угро-финны, которые поселились, например, на Паннонской равнине, на территории современной Венгрии, таких физических отличительных особенностей не приобрели. Речь в данном случае идет вовсе не об ассимиляции местного населения, о смешении крови. Судя по нашим источникам, они жили компактно и со славянами и балтами не смешивались, а речь идет об изменении физического облика в связи с переселением на иную территорию. Магия земли русского Севера сыграла с финнами свою шутку, осветлив их волосы и изменив цвет их глаз. То же она сделала и с потомками индоевропейцев — славянами, поселившимися на этих территориях. Известно, что архетип индоевропейцев не светлый цвет волос, а русый, а форма волос вьющаяся, а не прямая. Тот же процесс произошел и с саамами, или по-русски самоедами, которые поселились севернее финнов. Из брюнетов монголоидного типа, какими они были до момента заселения русского Севера, они сделались русыми, или пегими. Сохранив немного монгольскую скуластость и частично раскосость глаз, они никак по этим признакам не походят на своих собратьев, которые остались на Севере Сибири. Сегодня их очень трудно отличить иногда от финнов или

русских. В качестве примера можно привести саамскую артистку в финско-российском фильме “Кукушка”. Если бы артистка не говорила на саамском, можно было бы принять ее за русскую.

Изменился также и тип населения Италии, где вливания крови светловолосых спартанцев, вандалов, лангобардов, остготов, норманнов и иных народов должны были привести к изменению физического типа населения Итальянского полуострова в сторону более светловолосых и голубоглазых. И действительно, если мы посмотрим живопись Италии треченто или кватроченто, да даже и чинквиченто, то увидим почти лангобардский светловолосый и голубоглазый тип героев живописных полотен. Но чем далее, тем более тип изображаемых меняется в более знакомый сегодня итальянский кареглазый и темноволосый тип. Только на Севере Италии сохраняется не очень распространенный тип светловолосых итальянцев. Речь опять же идет не о смешении крови с эфиопами, неграми, арабами или какими другими носителям иного этнического типа, а о том, что доминантными у населения Италии становятся иные признаки — темные волосы и карие глаза. Магия земли Итальянского полуострова меняет тип народов, его населяющих, независимо от крови, текущей в их жилах.

При пересечении границ меняется не только физический тип этносов, происходит не только перегруппировка его приоритетов в мировосприятии. Даже ясно выраженные и логически выверенные философские, политические и нравственные идеи приобретают, испытывая на себе воздействие магии земли, совершенно иное наполнение, чем в тех регионах, где они были выпестованы.

Так, родившись в регионе Британских островов и сформировавшись окончательно в трудах французских мыслителей, идеология Просвещения хотя бы формально призывала к эмансипации общества от феодальных оков, окончательному освобождению крестьян от остатков феодальной зависимости, к уравниванию всех граждан в их общегражданских правах. Однако, переместившись чуть восточнее, в районы Речи Посполитой времен от короля Августа до короля Понятовского, в район Австрийской империи времен Франца Иосифа и Марии Терезии, в район Прусского королевства времен блистательного Фридриха II, эти идеи породили “второе издание крепостничества” в этих регионах, ужесточение бюрократической системы, создание абсолютизма в его самых жестоких и не всегда разумных формах. Руководствовавшийся идеями Пуффендорфа и Лейбница, Петр I в России высказался за отмену рабства в России. Холопство было ликвидировано. Но как? Холопов соединили с крепостными крестьянами. Мало того, что холопы были очень недовольны своим новым положением, юридическое положение крестьян сильно изменилось в худшую сторону. Дальнейшее продвижение идей Просвещения на Российский регион послужило причиной появления еще более

“прогрессивных” новшеств российской действительности. Крестьяне были полностью переданы суду своих хозяев. Особенно отличался указ “всемилостивой” императрицы Екатерины II от 1867 г., согласно которому только за жалобу на помещика крестьянина должны были бить кнутом (8 метров воловьей кожи — хороший удар ломал кости) и затем, коли жив останется, ссылать на вечное поселение в Сибирь. Такое положение вещей, как видно невооруженным глазом, не напоминает ни всеобщего равенства, ни господства просвещенных, утонченных и человеколюбивых нравов. То же касается и знакомых нам не понаслышке идей социализма. Если в Германии канцлеру Бисмарку все-таки удалось ограничить деятельность социалистических партий парламентскими формами, то в России о таком развитии событий нечего было и мечтать. Появление большевизма свидетельствовало о том, что парламентские формы деятельности наших революционеров не смогут удовлетворить.

Говорит ли это о более жестоких нравах в Российском регионе? Совершенно нет. Русские люди до сих пор не могут забыть 3 тыс. без суда казненных (по другим подсчетам — 30 тыс.) в царствование Ивана IV Васильевича. Англичане же давно простили своего шутника и ловеласа Генриха VIII не только за казнь канцлера — Томаса Мора, но и за казнь в Англии по его приказу преследуемых только по религиозным вопросам 200 тыс. сограждан. А были и другие категории преданных смертной казни в Англии в период правления этого любвеобильного короля. Французы хотя бы ставят в вину Карлу IX Варфоломеевскую ночь и несколько тысяч погибших в эту ночь и десятки тысяч убитых в последовавшие за этой ночью две недели потому, что Екатерина Медичи была итальянкой. А намеки на иностранное, да еще и итальянское происхождение матери их королей доставляет французам некоторое удовольствие — их поведение, конечно, неординарно. Но ведь, как известно, инициаторами этих событий были этнические французы — герцоги де Гизы и другие члены Католической лиги. Французские же гугеноты также не остались в долгу. Вспыхнувшая по всей Франции после событий Варфоломеевской ночи резня унесла за две недели жизни более чем 50 тыс. французов. Какие тут опричники! А Тридцатилетняя война в Европе XVII в., унесшая жизни более двух третей населения Европы? Какое тут Смутное время! Нет, это говорит не о более жестоких нравах в России, а о том, что идеи Просвещения или идеи социального переустройства мира, родившиеся в западной части Европы, поменяли свое политическое и нравственное наполнение, переместившись через границы, отделявшие Российский регион от региона Западно-Европейского. А пример Австрийской империи и Речи Посполитой говорит и о том, что и их границы модифицировали эти идеи, приняв их на территорию своего региона.

Такие же изменения происходят при перемещении из региона в регион не только политических или морально-философских, но и религиозных доктрин. Православие граждан Византийской империи позволяло им на базарах среди толчеи и во время продажи рыбы обсуждать, например, правильность халкидонского догмата, принятого накануне Вселенским халкидонским собором. В России же догматы православия не обсуждались: не только на торге, но и в стенах духовных училищ не очень было принято задавать вопрос, правилен или неправилен тот или иной догмат. Если в России человек стал сомневаться в правильности одного догмата, он не остановится на этом. Его сомнения перерастут в отрицание и толкнут на путь диссидентства. Это так же просто, как итальянцу выпить полбокала вина в баре, половину оставить и, сев за руль автомашины, уехать по делам. Поэтому закона против пьянства за рулем в Италии и не надо принимать. Другое дело в Финляндии или у нас. Наше общество и не поймет водителя, который, будучи не сильно пьян, на ногах и в состоянии узнавать окружающих, оставит в пивной полкружки пива, чтобы доехать до дома. С тех пор как Петр I ликвидировал в русском алфавите “и с точкой” — “i”, точки над “i” мы расставляем в жизни, доводя до законченного завершения эстетический образ, даже если он образ злодея; доводим до логического завершения начатые по недоразумению ошибочные зигзаги. Хорошо итальянцам — у них есть возможность расставлять точки над “i” при письме, не проводя экспериментов в жизни.

Употребляя термин “магия земли”, не хочется полностью отождествить его с понятием “genius loci”. “Гений места” — и более локальный и менее региональный термин. Он близок к термину “малая родина” или даже “отчий дом”. Регион же имеет своеобразие, часто совпадающее с этническими или даже государственными границами. Однако, несмотря на масштабы, действует не менее безотказно, чем “стены, которые и дома помогают”. На территории всего Итальянского государства кофе или то, что называют “эспрессо”, заваривается необычайно вкусно. Французы, приезжающие из своей любимой ими страны в Италию, по достоинству оценивают его. Они сразу отмечают, что кофе в Италии вкуснее. Стоит буквально пересечь границу из Италии во Францию — и вкус кофе кардинально меняется. Кофе становится более нейтральным. Таким, как, скажем, он бывает в Скандинавии. То же самое можно сказать о “prosciutto”. Едва вы пересекаете границу Италии с Австрией, как магия земли перестает действовать и prosciutto crudo превращается в шпиг, или просто сало, а prosciutto cotto немедленно превращается в ветчину. Очарование итальянского деликатеса перестает действовать. Откуда ветчина или кофе знают, где проходит государственная граница Италии? Тем более что она в этих местах не раз передвигалась. Скажем,

Ницца долгое время была итальянской. Но кофе, что самое интересное, отлично знает, что в итальянском Сан-Ремо он должен завариваться по-итальянски, а в ставшей французской 150 лет назад соседней Ницце ordinarily, по-французски.

Некоторые сорта вин также прекрасно осведомлены, где их пьют — дома, и тогда они дадут ощущение свежести, необычайный аромат, или в ином регионе, и тогда они могут показаться на вкус какой-то “бормотухой”. Термин “магия земли” употребляется в данной статье, скорее, в широком, региональном смысле.

Можно возразить, что нет постоянной константы этой некой магии земли, которая вызывает появление у разных народов одних и тех же культурных импульсов. Даже у одних и тех же народов может с течением времени поменяться характер. Так, можно привести пример Скандинавии, являвшейся в течение нескольких столетий раннего Средневековья источником колоссальной военной угрозы для Западной Европы. Сегодня скандинавские общества являют образец самых стабильных и спокойных обществ Европы. Но, во-первых, в тихом омуте много что может водиться. Так, в XIX в., накануне Русско-чеченской войны, генерал Кауфман, не зная историю народов Кавказа, а доверяя только личным впечатлениям, был уверен, что чеченцы — самые безобидные пастухи на Северном Кавказе. Известно, что он ошибался. Известно только, насколько ошибочно мнение о современной непассионарности народов Скандинавии. Во-вторых, есть много факторов, оказывающих самое сильное влияние на внешнее проявление характера этноса. Есть государство, которое либо будит энергию этноса, либо ее гасит. Это зависит от многих нюансов. Есть религия, которая также оказывает самое сильное, но всегда разнонаправленное влияние на тот же самый характер.

Как только Харальд Прекрасноволосый завершил объединение всех норвежских земель в единое королевство, норвежская земля перестала рожать неукротимых викингов, так долго пугавших Европу своим неистовством. Даже сами норвежские короли стали очень часто прибегать к услугам тех норвежцев, которые уплыли от их государственного диктата в Исландию. Но там в 1000 г. алтинг, собрание свободных исландцев, принял решение о принятии христианства. И то, что сделало государство в Норвегии, сделало христианство в Исландии: скоро викинги стали сказочно ужасным воспоминанием Европы о прошлой и далекой жизни. Можно ли утверждать, что характер скандинавов изменился? Безошибочно можно утверждать лишь то, что сегодня нам он кажется изменившимся. Даже если до конца существования белого света скандинавы так и не проявят свою, присущую их культуре неукротимость, нельзя утверждать, что ее у них в данный момент нет глубоко внутри загадочной скандинавской души. Она может быть в потенции и может быть не реализована. В данном случае

интереснее было бы поставить вопрос в ином ключе: а что, собственно говоря, разбудило столь печально известную бескомпромиссную активность скандинавов в VIII и IX вв.? Развитие каких социальных институтов создало форму для ее существования? Какие метаморфозы религиозного и социально-мифологического сознания зажгли ее? И тогда мы увидим, почему поступательное развитие скандинавского общества не оставило никакой надежды на существование неистовым викингам. Родился скандинавский обыватель.

Для изучения истории и специфики региона здесь было бы более интересным провести исследование других, менее экстремальных сторон скандинавского характера. Интересно исследовать оптимальный тип организации общества, размер самовоспроизводящейся единицы общества (что это — семья, деревенская община, община родственников или соседская община, род целиком или что-то еще), предпочтительный тип дистанции от одной единицы общества до другой — вот что хорошо бы знать о них. Достойны внимания исследования о роли личности, индивидуума в такой самовоспроизводящейся единице этноса. Надо также исследовать взаимоотношение мужчин и женщин в ней. Интересно выяснить рамки и структуру системы координат нравственных и социальных ценностей, модели предпочтительной судьбы индивида в обществе, модель общения индивида с другим индивидом, или обществом, приоритетные нравственные или просто чувственно воспринимаемые модели поведения и т.д. Есть ли общие черты у норвежцев, шведов, датчан, финнов и прочих саамов, населяющих Скандинавский полуостров? Были ли эти черты у них до переселения в данный регион? Остались ли они после переселения в иные регионы, отличные от Скандинавии по специфике? Например, огромное количество датчан переселилось не только в Исландию, которая может восприниматься как схожий с Норвегией регион, но и на Британские острова. Сохранили ли они скандинавскую специфику?

Конечно, специфика региона должна оказывать влияние на характер этносов и менять форму их реализации, но, согласно закону многообразия форм жизни, должны быть народы, чьи специфические качества были пронесены через многочисленные регионы и остались без изменений. Должны также быть и такие народы, которые оказывали большее, чем другие, воздействие на специфику заселяемых ими новых регионов. Все это надо также учитывать при проведении исследований по особенностям регионов.

Résumé

The article is devoted to some essential issues of Regional Studies (American, European, Russian Studies). The author dwells upon a number of regional and cultural notions dealing with history of mankind from ancient times till modern days and determines immediate tasks of studying these notions.